

Душа Эстель была благороднее, чем чья бы то ни было.

Как дьявол и сказал, такая благородная душа встретила ему впервые с момента сотворения мира. Он заточил ее душу в сердце демонической Геенны, поскольку с самого начала уродливые демонические души испытывали парадоксальное влечение к благородным, сияющим душам.

Демоны влюбились в Эстель. Но эта любовь была не такой, что привычна людям. Для демонов любовь – ужасное зло. Они стремились растоптать и уничтожить возвышенную и светлую душу Эстель с ужасной жестокостью и суровостью, потому что так демоны и понимали любовь.

Вот так она и провела в аду, в узилище Геенны, шесть сотен лет.

Посредине гигантской комнаты, куда не проникал свет, сидела закованная в цепи женщина. Напротив нее тихо распевал демон.

- Эстель. Дорогая Эстель. Сияющая звездочка. Возлюбленная звездочка.

Эта песня пугала.

Демон наносил женщине, Эстель, травмы так, словно он был скульптором, ваяющим статую.

- Эстель. Дорогая Эстель. Сияющая звездочка. Возлюбленная звездочка.

Тик-так.

Наручные часы не замолкали ни на миг. Демоны живут вечно. Для них время не имеет границ. Если они влюблялись, они могли дарить бесконечную «нежность». Бесчисленное множество раз.

Демон напротив Эстель сложил руки.

- Ну, а на этом остановимся.

Душа Эстель содрогнулась.

- Тогда же... что?

Она страдала от всевозможных мучений шесть сотен лет. Она боялась, какая еще пугающая казнь обрушится на ее голову.

- Прощу, перестань. Прощу... прощущу!

Она кричала, хотя и знала: что бы демон не говорил, конца этому не предвидится.

Ад, узилище Геенны, было местом, куда собирали самых ужасных грешников. Здесь не было места такой вещи, как покой.

- Почему я... почему... всю эту боль?

В отличие от прочих грешников, мучающихся в Геенне, Эстель при жизни не совершила ни одного преступления, и ее страданиям было лишь одно объяснение.

Во всем были виноваты ее враги.

- Сколько же еще... в точности... я должна так мучиться?

Но демон сказал нечто неожиданное.

- Я действительно должен остановиться, потому что осталось уже не так-то и много. Не осталось твоей души. Она скоро исчезнет.

Эти слова казались удивительными. Разговор шел о том, что скоро ее душа станет черной. Все из-за боли, которую она выносила в Геенне на протяжении шести сотен лет.

- Мне нужно было бы вести себя деликатнее, ведь ты такая милашка. Кажется, мы ужасно с тобой обращались.

Настал предел терпению этой души.

Обычно души грешников, низвергнутых в Геенну, исчезали, если им везло, примерно через пять тысяч лет. Если не везло – то где-то через десять тысяч.

У нее была сильная душа, не сравнимая с душами прочих, она уже почти испарилась, хотя прошло всего-то шестьсот лет.

«Исчезнет... даже если она и исчезнет, боль никуда не уйдет», - вздохнула Эстель.

С исчезновением души муки не кончаются. Лишенная какой бы то ни было оболочки, она станет частью Геенны, и ее бесконечная боль никогда не прекратится.

- Что же делать? Мы не хотим тебя отпускать, - демон говорил так, словно пытался принести ей искренние извинения. - Здесь нет и никогда не будет души такой же прекрасной и чистой, как твоя.

Это были не просто слова.

Демон смотрел на душу Эстель.

Она уже не лучилась так ярко, как в тот день, когда Эстель впервые попала в Геенну. Она почти вся почернела. Но даже сейчас среди этой черноты оставались сияющие пятна.

Это было удивительно.

Ее душа, бесконечно страдавшая в самой глубокой точке ада, была разбита. Но, пусть это и было так, свет в ней не померк.

Это и был тот самый бриллиантовый свет, что завораживает демонов.

- Я хочу погасить этот свет, как угодно. Что мне делать? Что я должен делать?

Демон волновался, но больше ее не трогал, потому что, чем больше он мучил бы ее, тем скорее бы исчезла ее душа.

И в это время демона вдруг осенила идея.

<http://tl.rulate.ru/book/45589/1254914>